

Русский вестник

Том 048

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р89

Р89   Русский вестник: Том 048 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 880 с.

ISBN 978-5-4241-4577-3

ISBN 978-5-4241-4577-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ВО ФРАНЦІИ

I.

Многіе называютъ февральскую революцію несчастнымъ случаемъ, и не хотятъ видѣть въ ней исторической необходимости. Намъ кажется, что какъ этотъ, такъ и всѣ другіе перевороты во Франціи, суть необходимое послѣдствіе ея внутренней организаціи, или, лучше сказать, послѣдствіе совершеннаго отсутствія живой организаціи и замѣны ея мертвымъ механизмомъ администраціи. Ришелье, Лудовикъ XIV, конвентъ и Наполеонъ I употребляли всѣ свои усилія, всѣ свои средства, весь свой геній на то, чтобы съ одной стороны заглушить всякое самостоятельное проявленіе общественной жизни въ странѣ, подавить всѣ ея живыя силы и все ставуть къ административному центру.

Стремленія столькихъ историческихъ дѣятелей, столь упорно поддерживаемыя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, не могли не привести къ желаемой цѣли. Вся Франція обратилась въ огромную, безжизненную, безразличную массу, по которой протягивались, будто телеграфическія проволоки, вѣти строго дисциплинированной администраціи. Всѣ эти вѣти чужды той мѣстной жизни, съ которою онѣ приходятъ въ соприкосновеніе; онѣ не связываются съ нею, не выходятъ изъ нея, а получаютъ свое механическое движеніе

изъ правительственнаго центра и къ нему же притягиваютъ все что ему нужно,—людей, деньги, продукты. Такимъ образомъ, вся національная жизнь сосредоточилась въ одномъ Парижѣ; въ его остались одни префекты и мэры, послушнѣйшіе исполнители приказаній получаемыхъ изъ Парижа. Что этимъ господамъ за дѣло, удобны ли эти приказанія для мѣстныхъ жителей, согласны ли они съ ихъ потребностями и желаніями? Впрочемъ, и сами мѣстные жители успѣли привыкнуть къ тому чтобы на ихъ потребности не обращалось вниманія; они слишкомъ давно убѣдились въ совершенной бесполезности имѣть какія-либо желанія, не вполне согласныя съ тѣми, которыя высказываются къмъ-то въ Парижѣ.

Этотъ *кто-то* называется то королемъ, то регентомъ, то первымъ министромъ, то конвентомъ, то директоріей, то первымъ консуломъ, то императоромъ, то опять королемъ-помазанникомъ или королемъ-гражданиномъ, то временнымъ республиканскимъ правительствомъ, то президентомъ республики, то опять императоромъ и т. д. Для всей Франціи, кромѣ Парижа, это совершенно одно и то же. Всѣ адреса, всѣ рѣчи, обращаемыя изъ провинцій къ этимъ перемѣннымъ властителямъ, несмотря на разнообразіе формъ и слога, выражаютъ только слѣдующее: мы васъ любимъ, враговъ вашихъ ненавидимъ, не требуйте отъ насъ слишкомъ много денегъ и оставьте насъ въ покоѣ. Хорошо, еслибы вы убавили налоги, да провели кое-гдѣ желѣзныя дороги и каналы; но вѣдь вы этого не сдѣлаете! Впрочемъ, вы умнѣе насъ, знаете все лучше, а потому дѣлайте что хотите, и не мѣшайте намъ спать.

Повидимому, какъ бы легко было управлять такимъ покорнымъ народомъ, который слушается каждаго правительства, хотя сердечно и не привязанъ ни къ которому изъ нихъ. Стоить только быть сильнѣе своихъ соперниковъ въ Парижѣ, и дѣло кончено. Конечно, но только не надолго: одна ошибка въ Парижѣ,—и правительство самое сильное не найдетъ себѣ нигдѣ опоры. При каждой смутѣ въ Парижѣ французское правительство похоже на игрока, который ставитъ все свое состояніе на одну карту: если эта карта выиграла, его состояніе удвоилось; если она убита, ему остается только спастись бѣгствомъ, чтобы не потребовали отъ него больше чѣмъ состоянія. Конечно, искусный игрокъ можетъ до

въ некоторой степени опредѣлять заранѣе выгодные и невыгодные шансы: теорія вѣроятностей укажетъ ему некоторые законы. Старая бурбонская династія, старая республиканская партія, первый императоръ, поочередно играли въ эту игру, и послѣ первыхъ неудачъ поочередно выигрывали. Лудовикъ Филиппъ былъ саишкомъ охотавъ въ началѣ, не остерегся потомъ, и вслѣдствіе того долженъ былъ проиграть подъ конецъ.

Еслибы Лудовикъ Филиппъ не былъ, подобно своимъ предшественникамъ и преемникамъ, Французомъ съ головы до ногъ; еслибы онъ не игралъ въ формы и политику, а заглядывалъ глубже въ потребности народа; еслибы онъ, подобно вѣмъ, не сосредоточивалъ всей власти въ одной администрации, а подѣлился ею во время съ тѣми жизненными органами, которые успѣли сохраниться отъ старыхъ временъ, или возникли вновь послѣ долговременнаго броженія; еслибы онъ ослабилъ доведенную до негнѣности административную централизавію; еслибы онъ вѣрилъ въ представительное правленіе и не почиталъ его пустою фôrмой, одною „конституціонною партіей“; еслибы онъ не думалъ, что мелкими условками и удовлетвореніемъ эгоизму отдѣльныхъ лицъ можно заглушить дѣйствительныя народныя потребности;—то враги его были бы побѣждены имъ въ 1848 году, какъ были побѣждены неоднократно и прежде. Общественное мнѣніе поддержало бы его и тогда, какъ поддерживало прежде. Чтò между тѣмъ сдѣлалъ Лудовикъ Филиппъ въ продолженіи восьмидцати лѣтъ своего царствованія, для того чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе? Давать неисполнимыя обѣщанія, говорить искусныя рѣчи, расточать льстивыя фразы и дружескія рукожатія, ходить съ зонтикомъ подъ мышкой, пропѣть марсельезу передъ воспитанниками Сенъ-Сирской школы,—все это можетъ доставить временную популярность, но не положить прочнаго основанія монархіи въ любви народной. Послѣ революціи 1830 года формы нѣсколько измѣнились, устранимо было ненавистное мнѣніе іезуитовъ, печать получила до нѣкоторой степени свободу; но подати остались тѣ же, или даже увеличились; гнетъ покровительственной системы на всѣхъ потребителей, развитіе фабричнаго индустріализма на счетъ промышленности и земледѣлія оставались попрежнему; блескъ и роскошь Парижа продолжали поглощать всѣ жизненныя силы Франціи;

мѣстные интересы были попрежнему пренебрегаемы; правительство попрежнему искало опоры только въ войскѣ и въ усердныхъ чиновникахъ, какъ будто эти орудія могутъ имѣть собственную силу, не заимствованную отъ всей націи.

Въ продолженіи всего своего царствованія Лудовику-Филиппу приходилось бороться съ тремя различными врагами, которые всѣ одинаково добивались верховной власти и потому, непріязненные ему, были столь же враждебны и между собою. Онъ торжествовалъ надъ ними, пока они дѣйствовали порознь; но когда они соединились, онъ долженъ былъ пасть, и въ одну ночь, неожиданно, лишился плодовъ всѣхъ своихъ восьмидесятилѣтнихъ усилій и удовольій.

Врага эти были: легитимисты, бонапартисты и республиканцы.

Легитимисты были личные противники Лудовика-Филиппа: въ нихъ сосредоточивался весь остатокъ прежнихъ роялистовъ, и, главное, къ нимъ примыкало все духовенство и крестьяне, бывшіе отчасти подъ вліяніемъ старыхъ фамилій, отчасти подъ вліяніемъ духовенства. Послѣ неудачной попытки герцогини Беррійской, роялисты не въ силахъ были отважиться на какое-нибудь энергическое предпріятіе, но въ сферѣ интригъ, клеветы, въ той неудовимой мелкой войнѣ противъ правительства, къ которой способна всякая побѣжденная партія, они были сильны, и если сами не могли нанести рѣшительнаго удара, то въ соединеніи съ другою какою-нибудь партіей могли одержать побѣду.

Бонапартисты были немногочисленны и не имѣли глубокихъ корней въ народѣ. Хотя воспоминанія о Наполеонѣ I, о побѣдахъ великой арміи, о пирамидахъ, Маренго, Аустерлицѣ, и наконецъ, скорбь о пораженіи при Ватерлоо, объ ораѣ прикованномъ къ скалѣ среди океана и пр. и пр. часто встрѣчались въ литературѣ, однако всѣ эти возгласы все еще были слѣдствіемъ привязанности къ Наполеоновской династіи, а были только косвеннымъ выраженіемъ вражды къ правительству и косвеннымъ обѣщаніемъ доставить націи, при другомъ правительствѣ, славу, войску побѣды и, главное, доставить случай отмстить за Ватерлоо. Преждевременныя попытки Лудовика-Наполеона въ Стразбургѣ и Булони окончательно ослабили эту партію, и она была почти забыта, разумеется, до того времени, когда наступила очередь ея игорныхъ шансовъ.

Теперь очередь эта была за республикой, хотя привер-

идеи республики были весьма немногочисленны (накануне февральской революціи самъ Ледрю-Ролленъ насчитывалъ ихъ только три тысячи человекъ); но они были увѣрены въ свои успѣхъ. Эта увѣренность придавала энергію небольшому кружку теоретическихъ республиканцевъ. Хотя на практикѣ Французы, по своему историческому развитію, по своимъ нравамъ, по своему общественному устройству и, наконецъ, по своему славовлюбивому характеру, менѣе всѣхъ народовъ способны къ республиканской формѣ правленія, но мода, предельная смелость, желаніе казаться передовыми людьми всего свѣта—привлекали молодежь на сторону республиканцевъ. Прошло цѣлое полу столѣтіе послѣ первой революціи, и во Французѣхъ изгладилось воспоминаніе о террорѣ и всѣхъ его послѣдствіяхъ; преданія о республиканскомъ времени окрасились даже розовымъ цвѣтомъ.

Первая революція уничтожила аристократію; Наполеонъ и реставрація старались создать ее снова. Вторая, то-есть июльская революція, уничтожила эти попытки; но мѣсто прежней аристократіи заняло мало-по-малу мѣщанство. Третья революція имѣла успѣхъ потому, что дѣстала народу уничтоженіемъ мѣщанства.

Возстановить народъ противъ мѣщанства и ея правительства, олицетворяемаго въ Лудовикѣ Филиппѣ, было цѣлю всѣхъ успѣшнѣй республиканской партіи съ самаго 1830 года. Въ этомъ смыслѣ много было сдѣлано ею попытокъ, но всѣ онѣ до 1848 года оставались безъ успѣха и только усиливали власть Лудовика Филиппа.

Первымъ дѣйствиємъ республиканской партіи во Франціи, послѣ июльской революціи, было учрежденіе нѣсколькихъ тайныхъ обществъ, изъ которыхъ важнѣйшее было Общество правъ человѣка (Société des droits de l'homme) основанное въ 1831 году, и усвоившее себѣ, вмѣсто программы, знаменитую декларацію правъ человѣка, обнародованную въ 1791 году. Попытка республиканскаго возстанія въ 1832 году оказалась неудачною, но Общество правъ человѣка не потеряло надежды. Оно стало искать себѣ поддержки между фабричными рабочими; слѣдствіемъ этого было возстаніе рабочихъ въ Лионѣ въ апрѣлѣ 1834 г., окончившееся, впрочемъ, также неудачно какъ и предшествовавшее.

Съ этого времени, характеръ республиканства измѣняется. Большая часть молодежи высшихъ сословій оставила респуб-

ликанскіе замыслы, и вся дѣятельность партизановъ республики обратилась на низшіе слои народа. Ученіе Сенъ-Симона, Фурье и въ особенности Бабефа гораздо живѣе говорило интересамъ рабочихъ классовъ нежели требованія политической свободы. У республиканскихъ писателей явилась особенная нѣжность къ рабочимъ классамъ, пошли безконечныя толки о страданіяхъ пролетаріата, существенный смыслъ которыхъ, заключааясь въ слѣдующемъ: „учредите республику, сдѣлайте насъ диктаторами, а мы отдадимъ вамъ всѣ богатства вышнихъ классовъ и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми.“

Книга Буонарота, о которой мы говорили въ другомъ мѣстѣ *, заключающая въ себѣ ученіе Бабефа, была распространяема между рабочими, и читалась съ жадностію въ тайныхъ собраніяхъ республиканцевъ. Всѣ средства къ достиженію цѣли считались по этой системѣ позволительными, и потому, при неудачѣ открытыхъ возстаній, приверженцамъ ея казалось естественнымъ прибѣгнуть къ системѣ убійствъ. Отсюда начинается рядъ покушеній на жизнь короля и его семейства. Алибо и Менье принадлежали къ тайному обществу Société des familles. Канисе къ обществу Travailleurs égauxitaires. Дармесъ находился также въ связи съ коммунистами бабефовокой школы (Société des communistes ou des travailleurs égauxitaires). Вотъ организація этого послѣдняго общества, сходнаго по цѣли и устройству со всеми другими того же направленія. Каждые семь членовъ составляютъ отдѣлъ, называемый *ремесломъ* (*metier*), подъ начальствомъ старшины называемаго *работникомъ* (*ouvrier*); четыре ремесла составляютъ *фабрику*; четыре фабрики *отдѣленіе*. Высшее распоряженіе зависитъ отъ верховнаго комитета, члены котораго, неизвѣстные для прочихъ участниковъ, открываютъ себя только во время сраженія, то-есть при возмущеніи. Манифестъ общества описанный рукою самого Дармеса заключалъ въ себѣ слѣдующія слова: „цѣль, къ которой стремятся члены (*les travailleurs*), есть дѣйствительное равенство при общности имущества (*communauté des biens*). Новое направленіе стремится открыть въ прошедшемъ, и особенно въ исторіи революціи, факты благоприятныя

---

* См. Русскій Вѣстникъ 1860 года кн. V, VI, статьи 1 и 2 „О пролетаріатѣ“, стр. 249.

дыу народа, воздаты почести людямъ добродѣтельными и заклеймить подлецовъ тогдашняго времени. Что касается до настоящаго, то мы внушаемъ рабочимъ (aux travailleurs) ненависть ко всему существующему, и совѣтуемъ имъ удалиться отъ мнимыхъ демократовъ, которые, не касаясь сущности общественнаго устройства, стремятся только къ преобразованію политическому.“ Система Бабефа, лежавшая въ основаніи подобныхъ проявленій грубаго коммунизма, очевидно не могла встрѣтить сочувствія между людьми образованными, сколь бы крайнимъ республиканизмомъ они ни увлекались. Нужно было придумать новую болѣе пристойную форму коммунистическому ученію, окрыть наготу всеобщаго грабежа и разрушенія цивилизаціи подъ какими-нибудь философскими и филантропическими сентенціями и придумать какой-нибудь хитросплетенный механизмъ для организаціи общественныхъ отношеній, въ которомъ однакожь заключалось бы то же самое что у Бабефа.

Попытки Сень-Симона были забыты; система Фурье, хотя имѣла небольшое число послѣдователей и свой собственный журналъ, *Le Phalanstère*, была заглушена всеобщими насмѣшками. Соціалистическое ученіе стало приобрѣтать успѣхъ только когда оно обобщило свою фразеологію, идеализировало свои требованія и популяризировало свои упреки существующему порядку. Соціальная реформа, организація труда, защита работы отъ угнетенія капитала и подобныя фразы, — вотъ что сообщало ученію въ некоторый вѣсь, придавая произносившимъ эти фразы характеръ передовыхъ людей, видъ какого-то таинственнаго превосходства и высокой мудрости. Символическій романистъ, Евгений Сю, съ своей стороны, умѣлъ воспользоваться новизною направленія въ своихъ романахъ *Парижскія Тайны* и особенно въ такъ-называемыхъ *Запискахъ калорднера*. При маломъ знакомствѣ Французовъ съ истинами политической экономіи, при всеобщемъ недостаткѣ основательнаго научнаго образованія, при пошломъ господствѣ моды, которая для невѣждъ распространяется и на умозрительныя истины, при желаніи каждаго Француза идти наравнѣ съ вѣкомъ и опасеніи прослыть отсталымъ, при совершенномъ отсутствіи самостоятельности убѣжденій въ огромномъ большинствѣ такъ-называемой образованной публики, соціалистическія задорныя фразы, изложенныя притомъ

подъ завѣкательною формою романа, должны были имѣть, и дѣйствительно имѣли успѣхъ.

Главными представителями социалистическихъ ученій были въ сороковыхъ годахъ Кабе, Прудонъ и Луи Бланъ. Первые двое вовсе не признавали личной собственности; послѣднiй допускалъ ее временно, пока придуманная имъ организація труда не восторжествуетъ надъ началомъ личности или индивидуализма, и полное братство не сольетъ всѣхъ людей или по крайней мѣрѣ всѣхъ Французовъ въ одно семейство, въ которомъ всѣ будутъ работать по мѣрѣ своихъ способностей и получать по мѣрѣ своихъ потребностей, въ которомъ чувство чести и общественное мнѣнiе будетъ служить контролемъ и надъ работою, и надъ платою. Началомъ осуществленiя этой теорiи должно было служить учрежденiе ассоциаций между рабочими по различнымъ отраслямъ производства. Эти ассоциации должны были состояться безъ содѣйствiя хозяевъ, на капиталъ, собранный посредствомъ равномерныхъ взносовъ, или же взятый въ ссуду у правительства.

Въ системѣ Луи Блана не было ничего фантастическаго какъ въ Фаланстерахъ Фурье, ничего идиллическаго какъ въ Икарiи Кабе, и не высказывалось тѣхъ задорныхъ нападенiй на право собственности какъ въ писанiяхъ Прудона. Луи Бланъ какъ будто приворовилъ свою систему къ существующему порядку, и хотя называетъ его безобразнымъ и отжившимъ, но не предлагаетъ уничтожить его внезапно, а напротивъ, посредствомъ придуманныхъ имъ ассоциаций, думаетъ упразднить этотъ порядокъ постепенно, привести его къ тихой кончинѣ, среди цвѣтущаго благосостоянiя народа, благодѣтельствованнаго социальнымъ преобразованiемъ. Въ предвѣщанiяхъ Луи Блана о возможности совершить радикальный общественный переворотъ безъ насилiя и заключалась, главнымъ образомъ, причина, почему ученiе его, дѣтъ двадцать тому назадъ, имѣло значительный успѣхъ.

Всѣ социалисты-теоретики, въ томъ числѣ и Луи Бланъ, принадлежали къ республиканской партiи. Но почему они полагали, что эта форма правленiя болѣе всякой другой способна прекратить бѣдствiя пролетарiата, это объяснить трудно. Неужели они отказали бы въ сочувствiи и содѣйствiи деспоту, который вздумалъ бы дѣйствовать по ихъ плану? Луи Бланъ, какъ и другiе, основываетъ свое „главное правительство“ на выборѣ, по способу всеобщей подачи

голосовъ; возобновляетъ этотъ выборъ въ извѣстные періоды, и т. д. Но это не сущность его теоріи, и не вытекаетъ непосредственно изъ тѣхъ экономическихъ отношеній, которыя онъ желаетъ установить въ государствѣ, или даже на всемъ земномъ шарѣ. Для него главный вопросъ въ томъ, чтобы не было конкуренціи между частными капиталистами, или лучше сказать, чтобы капиталистовъ вовсе не было, чтобы они одѣлались излишними, а капиталы какъ орудіе производства, были собственностію государства, то-есть центральной власти, которая будетъ давать ихъ работающимъ, по мѣрѣ надобности. Почему же не можетъ этого дѣлать диктаторъ, первый консулъ, шахъ, султанъ, или какой-угодно распорядитель, строго слѣдующій теоріи? Къ чему тутъ республиканская форма? Она, очевидно, есть какаа-то приставка съ боку, которая можетъ быть и не быть, не измѣняя сущности самого вопроса о прекращеніи различія между богатыми и бѣдными.

Если республиканизмъ не составлялъ необходимаго условія для социализма, то социалисты, напротивъ того, были опытными помощниками для республиканцевъ, и послѣдніе очень хорошо понимали это. Черезъ социалистовъ, и притомъ исключительно! черезъ нихъ, республиканцы могли дѣйствовать на массы фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „Друзья мои, вы будете не только могущественны, вы будете богаты; вы будете не только богаты, но вы будете царями, потому что всѣ люди равны, и всѣ люди цари... Да здравствуетъ республика, которая сдѣлаетъ, что не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ!“ и т. д. Фразы эти принадлежатъ именно Луи Блану. Полятно поэтому, что поклонники чистой политической республики не могли такъ сильно дѣйствовать на массы, какъ социалисты. Вотъ почему республиканцы ласкали социалистовъ, такъ сказать кокетничали съ ними, рассчитывая, что когда удастся установить республику, они сумѣютъ отдѣлаться отъ беспокойныхъ союзниковъ.

Другимъ, еще болѣе полезнымъ союзникомъ республиканцевъ былъ самъ Лудовикъ Филиппъ! Какъ ни странно повидному это мнѣніе, но оно совершенно справедливо. Лудовикъ Филиппъ, какъ мы уже сказали, не вѣрилъ въ силу народного представительства какъ опоры монархіи. Воспитанный на старыхъ понятіяхъ XVIII вѣка, и соблазненный примѣромъ Наполеона и австрійской системы, онъ смѣшивалъ понятіе о верховной власти съ понятіемъ объ управленіи.

Монархъ есть олицетвореніе верховной власти, и въ этомъ значеніи онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ органовъ управленія. Онъ есть единственный неизмѣнный ключъ того свода, которымъ держится общественное зданіе. Положеніе его въ этомъ значеніи такъ высоко, что личность его умъ, способности, дарованія, или недостатки, не могутъ ни возвысить, ни унизить его, если только онъ понимаетъ свое высокое положеніе, и самъ не захочетъ вмѣшаться въ борьбу партій. Если онъ оставляетъ это высокое положеніе безпристрастнаго судьи, если онъ начинаетъ принимать личное участіе въ выгодахъ которой-нибудь изъ партій, онъ теряетъ свою нравственную силу; ему приходится опираться только на силу матеріальную, силу ненадежную, ибо она можетъ, вмѣсто того чтобъ его поддерживать, обратиться противъ него. Это самое и случилось съ Лудовикомъ Филиппомъ. Достигнувъ престола, съ содѣйствіемъ мѣщанскихъ классовъ и національной гвардіи, онъ погибъ какъ скоро національная гвардія временно перешла на сторону его противниковъ. Лудовикъ Филиппъ забывалъ, что правительство держится нравственною силой общественнаго мнѣнія, и что парламентская форма правленія имѣетъ значеніе лишь только какъ правильная форма выраженія этого мнѣнія. Составивъ, посредствомъ различныхъ хитростей, искусственное большинство въ палатѣ представителей, онъ думалъ опираться на это большинство, и не замѣтилъ, что оно не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ общественномъ мнѣніи. Первоначально, общественное мнѣніе еще склонялось на его сторону вслѣдствіе страха, который наводили на мирныхъ гражданъ республиканскія вспышки: послѣ каждой изъ этихъ вспышекъ, власть короля усиливалась, и хотя его не любили и не уважали, но держались въ виду угрожающаго республиканизма. Когда же, наконецъ, послѣ послѣдняго и легко подавляемаго возмущенія республиканцевъ подъ предводительствомъ Барбеса въ 1839 году, страхъ этотъ миновался и опасность была забыта, общественное мнѣніе отвернулось отъ Лудовика Филиппа и его системы.

Самъ Лудовикъ Филиппъ не боялся республиканцевъ. Зная о ихъ заговорахъ чрезъ шпионовъ, въ часѣ которыхъ были даже знаменитые ихъ предводители, Бланки и Губеръ, онъ не считалъ ихъ опасными, и даже нѣсколько дорожилъ ими, какъ пугаломъ, полезнымъ противъ легитимистовъ и въ особенности противъ династической оппозиціи, которая ратовала не